

УДК 72.036

DOI: 10.17223/22220836/33/5

Е.В. Конышева

МОСКОВСКИЙ КОНГРЕСС CIAM: ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ СОБЫТИЯ¹

В статье освещается малоизученная тема о несостоявшемся IV конгрессе CIAM в Москве. Реконструируется процесс подготовки конгресса в СССР, выделяются его основные этапы и акторы, раскрывается механизм принятия решений. Особое внимание уделяется дискуссионной проблеме о причинах отмены проведения конгресса в Москве. Подготовка конгресса рассматривается в контексте целей и методов советской культурной дипломатии и взаимоотношений власти и архитектурного сообщества. Статья основана на анализе архивных документов, в том числе ранее не вводившихся в научный оборот.

Ключевые слова: CIAM, IV конгресс, Москва.

Несостоявшийся IV конгресс CIAM² в Москве вплоть до последнего времени не был объектом самостоятельного исследования. В западной историографии этот сюжет рассматривался в контексте истории CIAM, темы «функционального города», связей западной и советской архитектуры [1–3], а также затрагивался в связи с итогами конкурса на проект Дворца Советов и реакции на них зарубежных архитекторов. В отечественной науке эта тема вообще отсутствовала. При этом история «московского» конгресса основывалась в зарубежных публикациях только на источниках из европейских архивов и, таким образом, был представлен взгляд на события только с одной стороны. Документы российских архивов были привлечены лишь в недавних публикациях – российского и немецкого историков архитектуры Т.Н. Самохиной и Т. Флирля [4, 5]. Анализ советских документов сразу позволил открыть новые грани в истории «московского» конгресса, прежде всего – политическую подоплеку процессов, и, кроме того, представить основных действующих персонажей с советской стороны и предположить скрытые пружины тех или иных событий.

Данная публикация, также основанная на документах из российских архивов, будет ограничена анализом событий, происходивших на советской стороне подготовки конгресса CIAM в Москве на протяжении 1929–1934 гг. Задачами статьи являются как реконструкция процесса подготовки, так и выявление его хронологических этапов, основных акторов на каждом из них, интересов всех групп участников, механизмов принятия решений. И в итоге предлагается представление авторской точки зрения на ключевой и дискуссионный вопрос о причине отказа от проведения конгресса в Москве.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00493.

² Congrès International d'Architecture Moderne (CIAM) – Международный конгресс современной архитектуры (1928–1956), созданный как объединение архитекторов-модернистов.

В начале XX в. обозначилась новая тенденция – интернационализация градостроительных поисков. Площадкой для обсуждения актуальных проблем стали регулярные международные выставки и конгрессы, чья максимальная интенсивность пришлась на межвоенные годы. Ведущую роль играли конгрессы Международной федерации городов-садов и планировки городов, возглавляемой Э. Говардом. Эта федерация, имевшая самую развитую сеть дочерних организаций, на протяжении 1914–1930-х гг. провела 17 конференций с участниками из десятков стран со всех континентов. CIAM, образованный в 1928 г. и позиционировавший себя как средоточие модернистских поисков в сфере градостроительства и архитектуры, до Второй мировой войны провел пять конгрессов.

Рассматривая вопрос международных градостроительных коммуникаций, важно заметить, что и дореволюционная Россия, и СССР не были генераторами новационных градостроительных идей, они двигались в фарватере западной практики, но были заинтересованными реципиентами. С провозглашением курса на индустриализацию изучение зарубежного опыта, в том числе в сфере городского планирования и массового жилищного строительства, стало целенаправленной государственной политикой. Регулярными «гостями» на Западе стали представители разнообразных советских ведомств и организаций, непосредственно связанных с практикой массового жилищного строительства. Речь идет, прежде всего, о Всесоюзном совете жилищной кооперации (ВСЖК), Центральном союзе жилищной кооперации РСФСР (Центрожилсоюз), Государственном научно-экспериментальном институте гражданских, промышленных и инженерных сооружений ВСНХ СССР (ГИС), Стройком РСФСР и др. Именно эти организации или их представители были активными участниками международных форумов. Центрожилсоюз был представлен делегатами на Мюнхенском съезде по жилищному строительству в мае 1928 г., Парижском и Римском конгрессах Международной ассоциации планировки городов и жилищного строительства в 1928 и 1929 гг., а некоторые представители Центрожилсоюза имели членство в этой международной ассоциации. Участниками конгрессов выступали и отдельные советские «ответственные лица» как, например, глава ГИС Г. Красин, игравший одну из ключевых ролей в налаживании советско-европейских коммуникаций. Сразу после вышеназванного конгресса 1929 г. в Риме советская делегация во главе с Г. Красиным посетила и заседания второго конгресса CIAM, проходившего во Франкфурте-на-Майне. Советские ведомства активно аккумулировали информацию и явно искали подходящих западных партнеров.

В контексте взаимоотношений с CIAM важно также отметить, что советская авангардная архитектура 1920-х гг., в отличие от градостроительства, была достаточно интегрирована в международный процесс и могла представить плеяду имен с европейским признанием. Однако СССР не имел аффилированной организации с CIAM. В качестве советской «базовой группы» в CIAM рассматривались ведущие архитекторы Объединения современных архитекторов (ОСА) – В. Веснин, М. Гинзбург, И. Леонидов, Н. Колли, А. Буров и некоторые другие. М. Гинзбург и В. Веснин получили предложение от исполкома CIAM (CIRPAC) сформировать советскую группу, а Н. Колли и М. Гинзбург были кооптированы в CIAM на франкфуртском кон-

грессе 1929 г., но отделение CIAM в СССР так и не было создано [6. С. 151]. Несмотря на этот факт, существовал активный взаимный интерес к сотрудничеству как со стороны советского архитектурного сообщества, так и со стороны CIAM, который видел в Советской России страну великого эксперимента и безграничных возможностей для воплощения передовых архитектурно-градостроительных идей.

Так в единой точке сошлись векторы взаимного интереса и западных носителей передовой архитектурной и градостроительной практики, и советских архитекторов, концептировавших образ нового «социалистического города», и советских ведомств, на которых лежало бремя застройки десятков индустриальных городов.

Показательно, что инициаторами проведения конгресса CIAM в СССР и основными акторами на «переговорном» этапе подготовки, который можно ограничить осенью 1929–1930 гг., выступали именно ведомственные структуры. Немаловажную роль в переговорном процессе сыграл персонально Г. Красин. У истоков истории с приглашением конгресса CIAM в Москву стояло также полпредство СССР в Германии и лично его глава Н. Крестинский. Первое официальное приглашение от СССР к проведению конгресса CIAM в Москве в 1930 г. было одобрено на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 23 октября 1929 г. Ответственными за его организацию и теми, от чьего лица направлялось приглашение в CIAM, были определены инициаторы идеи – ГИС и ВСЖК [7. Л. 32]. Инициатива со стороны именно этих организаций вполне понятна: конгрессы CIAM, как второй, во Франкфурте-на-Майне (1929), так и третий, в Брюсселе (1930), были посвящены проблеме массового доступного жилища. Вероятно, советская сторона ориентировалась на эту тематику, и в постановлении Политбюро мероприятие именовалось именно как «конгресс нового жилстроительства». С приглашением пытались успеть до завершения конгресса CIAM во Франкфурте-на-Майне, причем члены президиума CIAM были не только проинформированы о намерении советской стороны, но и выступали за это решение, о чем свидетельствовал в своем письме В. Гропиус [8. Л. 24]. Однако советская пригласительная телеграмма запоздала, уже было принято решение о проведении третьего конгресса в Брюсселе. Тем не менее исполком CIAM не отказался от своего намерения, и официальное предложение о проведении четвертого конгресса в Москве было передано генеральным секретарем CIAM З. Гидионом в письме в советское полпредство уже 30 октября 1929 г. [1. С. 113]. Через год, на брюссельском конгрессе, советская сторона вновь повторила свое приглашение в телеграмме от 27 ноября 1930 г.: «Приветствуем конгресс. Желаем успешной работы. Приглашаем провести следующий конгресс в Москве. Гарантируем льготы по расходам для делегатов. Детали письмом. Президиум Всесоюзного Совета жилищной кооперации» [Ibid.]. Это предложение, как свидетельствовал З. Гидион, было «встречено возгласами одобрения», и З. Гидион и В. Гропиус вновь выразили поддержку этой инициативе в письмах в советское полпредство в Берлине [9. Л. 1–4]. Можно сказать, что первый этап закончился в конце 1930 г., и маркером этого завершения стала принципиальная договоренность о проведении очередного конгресса CIAM в Москве.

Однако следующие месяцы оказались полны неопределенности. С одной стороны, руководство CIAM, вдохновленное приглашением из СССР, начало подготовку к конгрессу. 15 февраля 1931 г. в Цюрихе состоялось первое заседание Комиссии по подготовке конгресса с участием К. Ван Эстерна (президент CIAM), З. Гидиона, Ле Корбюзье, В. Гропиуса, В. Мозера, Р. Штейгера, и была определена его тема – «Функциональный город» [1. С. 114], а в июне 1931 г., на внеочередном Конгрессе CIAM в Берлине, были определены его содержательные директивы [3. С. 114–116].

С другой стороны, на советской площадке конгресса проведение форума оказалось под вопросом. Главным актором процесса подготовки конгресса, который планировался весной 1932 г., с советской стороны являлся ВСЖК и, персонально, зампред ВСЖК Ю. Ларин и председатель Бюро внешних сношений Я. Вайншенкер. С января 1931 г. и на протяжении полугода ВСЖК не мог добиться от ЦК ВКП(б) и СНК официального постановления о проведении конгресса в Москве, без которого невозможно было начать подготовку. В последний раз ВСЖК «вошел с ходатайством» в ЦК ВКП(б) в июне 1931 г. [10. Л. 29] и, наконец, добился решения – отрицательного. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 июля 1931 г. отказывало в «просьбе» о проведении конгресса [11. Л. 80].

Причин для этого отказа могло быть множество – от слабости лоббистского ресурса ВСЖК в высших эшелонах власти до аккумуляции всех средств на финансирование индустриализации на пике первой пятилетки. Более интересным представляется дальнейший поворот событий. Обстоятельства последующей подковерной борьбы не очень ясны, но ее видимым результатом стало решение Политбюро от 15 октября 1931 г., неожиданно давшего разрешение на проведение «в Москве в 1932 г. международного конгресса по вопросам нового жилищного строительства» [12. Л. 89]. 25 ноября 1931 г. вышло и соответствующее Постановление СНК СССР «О созыве в Москве в 1932 г. Международного конгресса по вопросам жилищного строительства» [8. Л. 4]. Верховная власть, еще за несколько месяцев назад не понимавшая необходимости в проведении этого затратного мероприятия, ровно в тех же условиях получила убедительные основания для изменения решения. Можно предположить, что определяющим мотивом стал расчет на международный резонанс и соответственно получение политических и пропагандистских дивидендов от проведения форума. Подобное предположение, на взгляд автора, подтверждается как изменением ответственных организаторов конгресса с советской стороны, так и дальнейшими перипетиями с его подготовкой.

Отсчет второго этапа подготовки конгресса можно вести с зимы 1931/32 г. В марте 1932 г. в CIAM было направлено очередное приглашение о проведении конгресса в Москве уже в сентябре 1932 г. [10. Л. 23]. Пауза неопределенности, казалось, закончилась. Деятельность советских организаторов активизировалась: во-первых, были сформированы конкретные предложения по составу Оргкомитета конгресса, в который предлагалось включить представителей около двух десятков ведомств и организаций, имевших непосредственный интерес к проведению мероприятия или обладавших необходимым властным или финансовым ресурсом (государственных органов (Наркомтруд, НКВД, НКХ, Госплан, РКИ, ВСКХ), «общественных» органи-

заций (ВЦСПС, ВСЖК), проектных контор и строительных объединений (Гипрогор, Союзстандартжилстрой), архитектурных сообществ (ВОПРА) и др.). Во-вторых, были определены темы групп докладов советской стороны и созданы соответствующие комиссии [10. Л. 1, 26].

Однако эта внутренняя организационная работа нивелировалась внешними проблемами. В Постановлении СНК не был определен конкретный организатор Конгресса, вероятно, по инерции им предполагался ВСЖК, и не виделось необходимости в уточнении [Там же. Л. 41]. Так, 17 декабря ВСЖК сообщил, что «Межведомственное бюро ВСЖК приступило к подготовке съезда и состав Президиума Комитета по подготовке съезда за подписью т. Цихона направлен в соответствующие инстанции» [Там же. Л. 37]. Однако на поле появился новый игрок – образованный в ноябре 1931 г. Всесоюзный совет по коммунальному хозяйству и жилищной кооперации (ВСКХ). И если ВСЖК находился в ведении всего лишь Наркомата труда, то новая организация была образована при ЦИК СССР и в Совет ВСКХ входили представители десятков ведомств и организаций, включая и главу ЦИК А. Енукидзе. За ее спиной стоял также могущественный ВСНХ. В январе 1932 г. одновременно в ЦК ВКП(б) и в Политбюро ЦК ВКП(б) обращаются зампред ВСНХ Г. Пятаков и глава ВСКХ А. Смирнов со своими предложениями о составе Оргкомитета во главе с А. Смирновым (от ВСКХ), Я. Шмидтом (от ВСНХ) и Комаровым (от НККХ) [Там же. Л. 10, 14]. Так началось многомесячное «перетягивание одеяла» между ВСКХ и ВСЖК, которые «до сих пор не уяснили, кто же из них отвечает за созыв и проведение Конгресса» [Там же. Л. 39]. При этом и ВСЖК, и ВСКХ безуспешно добивались от ЦК ВКП(б) утверждения советского Оргкомитета конгресса [Там же. Л. 29, 37]. Царившая неразбериха означала срыв подготовки к конгрессу и, по инициативе ВСКХ, свалившего всю вину на конкурента, сроки форума были сдвинуты на весну 1933 г., что было закреплено соответствующими решениями Политбюро от 16 апреля и СНК СССР от 10 мая 1932 г. [13. Л. 96; 10. Л. 25]. В августе 1932 г. в Наркомате иностранных дел, через который шли контакты с СИАМ, было констатируется, что «после 10 месяцев „подготовительной работы“ дело не сдвинулось ни на шаг. Нет ответственного за проведение Конгресса лица и учреждения, нет сметы, нет оргбюро, иностранцы не получают ответы на свои запросы» [10. Л. 39]. В своей докладной в Политбюро ЦК ВКП(б) лично к Л.М. Кагановичу нарком Н. Крестинский сетовал, что «у нас нет никакой уверенности, что Конгресс будет к весне будущего года подготовлен» и «нам не избежать мирового скандала, если теперь же не вмешается Политбюро» [Там же. Л. 40–41].

Призывы, вероятно, возымели действие и, наконец, 15 сентября 1932 г. было опубликовано Постановление СНК СССР «О составе Оргкомитета по подготовке созыва в Москве IV Международного конгресса по новому жилищному строительству». Это постановление демонстрировало резкое повышение статуса мероприятия и заинтересованность в нем высшей власти. Главой комитета был назначен А. Енукидзе – высокопоставленный государственный чиновник, секретарь Президиума ЦИК СССР и, главное, обладавший большим «аппаратным весом». Основную часть членов составили высокие чины, в том числе глава Наркомата коммунального хозяйства Н.П. Комаров, глава ВСКХ А.П. Смирнов, глава Наркомата труда

А.М. Цихон и др. Постановление также демонстрировало появление и нового игрока на поле организации конгресса – Союза советских архитекторов, образованного в июле 1932 г. В состав организаторов были включены архитекторы – В.Н. Семенов, В.А. Веснин, Б.М. Иофан, И.В. Жолтовский, К.С. Алабян и Я.Н. Додица [14. Л. 1].

Вся история подготовки конгресса зимы – лета 1932 г. продемонстрировала абсолютное непонимание советской стороны целей и характера конгресса CIAM.

Во-первых, претерпело кардинальную эволюцию понимание статуса конгресса. Из мероприятия, инициированного заинтересованными ведомствами, он превратился в государственный проект, не только финансово, но и организационно полностью зависимый от вертикали власти, замыкаемой на Политбюро ЦК ВКП(б). М. Висс, представительница CIAM в Москве, в январе 1932 г. выражала полное недоумение принципами и ходом организации конгресса, а именно – отсутствием в этом процессе ключевого участника – архитекторов. Она пыталась объяснить, что «конгрессы CIAM являются рабочими конгрессами. Национальные группы в течение всего года... ведут исследовательские работы по заданиям соответствующих конгрессов... Эта та часть работы, которая продельвается архитекторами, и никто из нас не может понять, почему образование этой необходимой группы архитекторов должно зависеть от создания оргкомитета» [10. Л. 17].

Во-вторых, речь шла совсем не о рабочем мероприятии, имевшем целью обсуждение поставленной проблемы и выработку методов и форм ее решения. С точки зрения СССР, конгресс – это репрезентативное мероприятие и он должен быть «показательным и особо эффектным» и «не уступать соответствующим конгрессам за границей». Характерен и избранный образец для подражания – вышеупомянутые XI и XII конгрессы Международной ассоциации планировки городов и жилищного строительства в Париже и Риме. Предполагалось пригласить на конгресс не только названную ассоциацию, но и иностранные архитектурные организации [8. Л. 47, 48]. Предварительным проектом, представленным архитектором Г.М. Людвигом в августе 1932 г., планировалось участие 200 советских и 500 иностранных делегатов, 500 иностранных и 200 советских гостей [14. Л. 9]. Однако эти аппетиты были скоро умерены: Техкомиссия ВСКХ, получившая ответственность за организацию конгресса, предполагала только 150 иностранных и 250 советских делегатов, 100 иностранных и 150 советских гостей [8. Л. 47]. Но независимо от предполагаемой общей численности участников сохранялось численное доминирование представителей СССР.

В-третьих, конгресс должен был иметь пропагандистский характер и демонстрировать, прежде всего, успехи СССР в области социалистического градостроительства и архитектуры. Предполагалось, что «основные руководящие доклады» будут сделаны представителями СССР. Эти полуторачасовые сообщения касались государственного планирования и организации жилищного и городского строительства в СССР; «основных моментов социалистического быта в жилищном строительстве»; реконструкции населенных мест и строительства новых городов; районной планировки; «проблем нового архитектурного стиля». Главные доклады иностранцев, причем не более трех, должен был отобрать советский Оргкомитет, выбирая сообщения, «суще-

ственно дополняющие или освещающие тему с иной стороны». [8. Л. 35–36, 50–51].

Однако бой барабанов и звуки фанфар, которые явственно слышались за пафосными строчками советских программ форума, созданными в августе – сентябре 1932 г., были прерваны голосом реальности. В октябре 1932 г. А.С. Енукидзе получил отзывы на проект программы конгресса от Г. Красина и от Н. Крестинского [Там же. Л. 2–3, 32–32 об.]. Оба были единодушны в том, что «составители плана созыва конгресса не совсем четко представляют себе роль советских организаций во всем этом деле и преувеличивают наши права»; что «конгрессу в Москве не может быть придан тот характер, который устанавливается запиской ВСКХ, и вообще возможно говорить не о созыве его в Москве тем или иным правительственным органом СССР, а лишь о предоставлении ему правительством гостеприимства»; что «распределение ролей представляется не соответствующим международному характеру конгресса» и что СССР может претендовать со своими докладами максимум на четверть повестки; что «наш Оргкомитет не может и не вправе решать вопрос изменений характера конгресса и о приглашении на него каких-либо иных организаций без согласия той международной организации, которая созывает Конгресс». Вероятно, немаловажную роль сыграло и разъяснение Г. Красина о CIAM в сравнении с Международной ассоциацией планировки городов и жилищного строительства. Он отмечал длительное существование, широкий международный характер и авторитет Международной ассоциации с крупномасштабными конгрессами и, в свою очередь, узость CIAM как исключительно союза единомышленников – сторонников «новой архитектуры», с соответствующим относительно небольшим числом участников конгрессов [Там же. Л. 32].

Реакция последовала незамедлительно. Уже в середине октября А.С. Енукидзе направил в СНК СССР докладную, в которой изложил представленные ему аргументы и сделал вывод, что «исходя из этого, Комитет считает нецелесообразным чрезмерно рекламировать как участие Союзного Правительства, так и самую работу IV Конгресса городов». Соответственно, предлагалось вернуть Центрожилсоюзу и Всесоюзному совету жилищкооперации организацию этого непригодного для репрезентации советского государства мероприятия. Но главный посыл содержался в предложении созыва в 1934 г. по инициативе СССР Международного конгресса по жилищному строительству и планировке городов, который «безусловно будет играть огромное пропагандистское и организационное значение, с одной стороны, и позволит нам извлечь многосторонний опыт и технику в строительстве городов, с другой» [Там же. Л. 74–74 об.]¹. При этом все нити подготовки к обоим мероприятиям сходились в том же Комитете под руководством А.С. Енукидзе. Таким образом, было продемонстрировано отсутствие интереса к мероприя-

¹ Примечательна «основная задача конгресса», позволявшая СССР проводить конгресс исключительно по «своей» теме, приглашая других лишь поучаствовать в обсуждении – «выявление идеологических установок и вытекающего из них внешнего и внутреннего оформления городского коллектива в условиях современного социального быта и тенденций ближайшего развития его. Таким образом, центром обсуждения является: форма и условия современного городского общежития, в частности соцгород...» [14. Л. 83]. Окончательное название мероприятия – Первый международный конгресс по строительству новых городов [15. Л. 176] – было ориентировано именно на эту задачу, исключив из сферы интересов форума существовавшие города.

тию со стороны государственной власти, не ждавшей более от него политических дивидендов, но желавшей, тем не менее, сохранять тотальный контроль над происходящим. Ключевая же задача – международная пропагандистская репрезентация – была перенесена на вновь планируемый форум.

В CIAM была направлена телеграмма о передаче функций по подготовке конгресса в руки ВСКХ и Центрожилсоюза, а также с запросом желаемых сроков проведения конгресса в 1933 г. [8. Л. 68]. Также был дан положительный ответ на запрос о приезде представителей CIAM в Москву для обсуждения всех вопросов и условий конгресса.

Вести отсчет третьего этапа подготовки конгресса можно с ноября 1932 г. И это был, пожалуй, единственный плодотворный период с 1929 г. Была образована Комиссия содействия конгрессу, в состав которой вошли представители ВСКХ (Я. Вайншенкер, Б. Коган), ВОКС¹ (Г.И. Чернявский, К. Кравченко) и Союза советских архитекторов (В.А. Веснин, К.С. Алабян, Д.Е. Аркин, Н.Я. Колли, М.Я. Гинзбург, Х. Шмидт) [Там же. Л. 92]. Именно на этом этапе определяющую роль в подготовке стало играть профессиональное архитектурное сообщество. В Комиссии было задействовано все руководство Союза архитекторов – глава Правления В.А. Веснин, его заместитель К.С. Алабян и ученый секретарь Д.Е. Аркин. И именно на базе Союза советских архитекторов и архитектурной секции ВОКС, образованной в сентябре 1932 г., велась подготовка конгресса с регулярными заседаниями Комиссии содействия на протяжении ноября 1932 – февраля 1933 г. [16].

С 4 по 14 декабря 1932 г. в Москве вели переговоры с Комиссией К. Ван Эстерн и З. Гидион. По их итогам были сформулированы «Директивы для подготовки и проведения IV Международного конгресса новой архитектуры» [8. Л. 92–93]. К. Ван Эстерн и З. Гидион, вернувшись в Цюрих, озвучили их основные положения в подписанном 26 декабря 1932 г. обращении к членам CIAM [17. Л. 91–94]. Общие сроки конгресса были утверждены с 1 по 15 июня 1933 г. Перед пятидневными рабочими заседаниями, начинавшимися 5 июня, предполагались три дня для осмотра Москвы и для докладов членов CIAM «по теоретическим и техническим вопросам современной архитектуры перед различными аудиториями»². По окончании форума была запланирована пятидневная поездка в Харьков и Днепропетровск. В Конгрессе должны были принять участие около 70 членов CIAM, а также зарубежные гости в качестве слушателей. Поскольку в СССР не существовало группы CIAM, Союзом архитекторов должна была быть выделена специальная группа для работы на Конгрессе из 15 человек (не считая работавших в СССР западных специалистов – членов CIAM (Э. Май, Х. Шмидт, Х. Майер, М. Стам)).

На рабочих заседаниях конгресса предполагались доклады представителей CIAM (по одному от каждой страны) на тему «Функциональный город», и после завершения всех докладов предполагалась дискуссия. Если доклады представлялись широкой аудитории – в присутствии иностранных и советских гостей, то в дискуссии могли принимать участие только члены CIAM, а ограниченное число гостей допускались в качестве слушателей. Характерно

¹ Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (1925–1958).

² Предполагалось, что доклады, в том числе, прочтут В. Гропиус, Ле Корбюзье, М. Бройер [15. Л. 95].

обоснование такого регламента – «чтобы не нарушать рабочей атмосферы Конгресса». Это была не работа на репрезентацию, а лишенная пафоса профессиональная деятельность, нацеленная на конкретные теоретические и практические результаты в разрешении проблемы «функционального города». Это чрезвычайно важный момент, являвший контраст советскому представлению о такого рода мероприятиях.

Этот контраст особенно заметен в сравнении с регламентом иницируемого СССР международного конгресса по строительству городов. На форум предполагалось пригласить в качестве участников от СССР представителей правительственных учреждений, союзных республик и нацменьшинств, комиссариатов союзных республик, горсоветов крупных центров, производственных гигантов и новостроек, ученого общества, архитектурных и технических общественных организаций, жилищкооперации, профсоюзов. Иностранные участники (всего около 150 человек) должны были быть представлены коммунистическими муниципальными и городскими управлениями; фабрично-заводскими организациями; городскими управлениями крупных центров (Берлин, Франкфурт, Кёльн, Гамбург, Дрезден), а также представителями городов Западной, Северной и Южной Европы, США, Японии, Китая, Мексики, Австралии, Индии (48 человек); архитектурными, градостроительными и техническими обществами, в том числе из Международной ассоциации городов-садов и городского планирования, Лондонского института городской планировки, Американской ассоциации планировки (43 человека); отдельными специалистами (их было намечено к приглашению 20 человек, в том числе Р. Энвин, П. Аберкромби, Дж. Пёплер, Л. Рей, Ле Корбюзье, В. Гропиус, Б. Таут, П. Ауд, К. Ван Эстерн, Э. Май, Х. Майер). И это не считая советских и зарубежных гостей форума [18].

Советская сторона получала значительные преференции на конгрессе CIAM. Представитель СССР должен был выступать с докладом в «основной серии», наряду с членами CIAM, и, кроме того, советские архитекторы получили возможность сделать еще три доклада – «Реконструкция старых городов», «Планировка новых городов», «Районная планировка». И вне плана работ Конгресса выступить с докладом «Основные принципы советской архитектуры». К конгрессу также планировалась широкомасштабная выставка и было также согласовано, что СССР, помимо участия в выставке «Функциональный город», организует и особую выставку – «Зачатки нового быта и новая архитектура».

В январе – феврале 1933 г. Союз советских архитекторов и ВОКС вели интенсивную работу как по организационной подготовке конгресса, так и по подготовке докладов. Были созданы отдельные комиссии по каждой из тем докладов, и на заседаниях Комиссии содействия... заслушивались предложения от каждой из групп – комиссии по районной планировке (рук. М. Гинзбург), по планировке новых городов (рук. Н. Колли), по реконструкции «старых» городов (рук. Н. Поляков), общее руководство подготовкой находилось в руках К. Алабяна (заместитель председателя Комиссии содействия) и Д. Аркина (ученый секретарь Комиссии) [16. Л. 41–4]. Ответственность за формирование и оформление выставки возложили на Л. Лисицкого, и была образована особая «выставочная группа» [15. Л. 92]. Главный раздел выставки – «Функциональный город» – предполагал показ 21 группы объек-

тов, начиная от плана соцрасселения и методологии и практики районного планирования до принципов организации «функционального» города и «функционального жилья». Из отдельных сооружений демонстрировались все типы – от жилища до крупных общественных зданий и промышленных предприятий первой пятилетки, причем не только реализованные сооружения, но и проекты в диапазоне архитектурной стилистики от М. Гинзбурга, К. Мельникова, братьев Голосовых и Весниных до Б. Иофана и И. Жолтовского. В доклады включались проекты европейских специалистов, членов CIAM, работавших в СССР, – Э. Мая, Х. Майера, М. Стама, Ф. Форбата, а также на выставке отдельно представлялась «работа группы архитектора Май в СССР» в Стандартгорпроекте – планировка и застройка Магнитогорска, Кузнецка, Караганды [17. Л. 111–116].

В марте 1933 г. исполкомом CIAM было отпечатано приглашение с полной программой конгресса [1. С. 126–127]. Но из России, как гром среди ясного неба, пришло известие о переносе форума. Это решение было принято на Оргбюро ЦК ВКП(б) 2 марта: «созыв IV Международного конгресса по новому жилищному строительству отложить» [19. Л. 71], выписка из протокола была подписана Л.М. Кагановичем. Для советских устроителей конгресса это решение также было полной неожиданностью. И для них это было жестоким ударом – именно профессиональное сообщество, на котором лежала основная подготовительная работа, оказалось, во-первых, ответственным за это решение перед своими западными коллегами и, во-вторых, лишенным важного профессионального диалога с ними. Уже через несколько дней, 8 и 15 марта, К. Алабян от лица фракции ВКП(б) Союза архитекторов отправил близкие по содержанию обращения к А.С. Енукидзе и Л.М. Кагановичу – властному «куратору» советской архитектуры и Союза архитекторов [20. Л. 17–19, 20–22]. Обращаясь к Л.М. Кагановичу, К. Алабян писал и о «ряде нежелательных последствий» решения о переносе конгресса, которое вызовет «глубокое недоумение», и о «беспорном интересе» к этому конгрессу со стороны советских архитекторов.

В этом же письме К. Алабян зафиксировал важный момент: «Нам неизвестно, по каким мотивам принято решение об отсрочке конгресса» [8. Л. 22]. Однако скоро необходимые мотивы будут «найжены». 22 марта Я. Вайншенкер сообщил в CIAM, что причиной отсрочки конгресса является недостаточная готовность советской стороны: «ряд обстоятельств, которые не могли быть учтены в то время, когда мы обсуждали с Вами срок конгресса, ныне создают по нашему убеждению серьезнейшие трудности для успешного проведения столь широкого интернационального конгресса в намеченный нами срок. Считая, что Конгресс заслуживает быть проведенным в условиях максимально благоприятных, мы пришли к заключению об абсолютной необходимости отказаться от намеченного срока и отложить конгресс...». «Мы не отказываемся от мысли о созыве конгресса в Москве и не прекращаем работы по его подготовке...», – оптимистично заявил он в конце текста [17. Л. 119].

После этого последовала переписка с CIAM, в которой европейцы сначала настаивали на указании другого срока в этом же году [Там же. Л. 31]. Однако в середине апреля 1933 г. в CIAM была получена телеграмма Я. Вайншенкера с единственной фразой, не оставляющей надежд: «Конгресс

может состояться только в 1934 г.» [1. С. 128]. Как известно, CIAM отказался от переноса, и конгресс «Функциональный город», плодом которого стала концептуальная «Афинская хартия», состоялся в конце июля – начале августа 1933 г. на теплоходе «Патрис».

Но эта история для советских архитекторов еще не была закончена. Вероятно, в 1933 г. профессиональное сообщество еще допускало возможность повлиять на решение политической власти, хотя система взаимоотношений власти и архитекторов, игнорирование профессиональных интересов и мнений последних были уже ясно продемонстрированы механизмом принятия решений и результатами конкурса на проект Дворца Советов.

В июне 1933 г. на заседании архитектурной секции ВОКС были поставлены три тактические задачи: участие советской делегации на конгрессе; в случае неучастия – посылка материалов для зачитания на конгрессе; решение вопроса о проведении конгресса CIAM в СССР в 1934 г. [15. Л. 14]. Обосновывая необходимость реализации этих задач, архитекторы в обращении к власти активно использовали идеологические основания и акцентировали заботу о международном имидже советской архитектуры. Этот акцент явно звучит в докладной записке К. Алабяна [17. Л. 31–3]: «современный курс советской архитектуры на освоение культурного наследства, на углубленную разработку эстетических сторон архитектуры... воспринимается в некоторых архитектурных кругах Запада неправильно или извращенно. Это вызывается, прежде всего, недостаточной информацией и неспособностью серьезно продумать подлинный смысл происходящего в советской архитектуре... Полагая, что углубление подобных настроений нежелательно, необходима настойчивая разъяснительная работа... Поэтому согласие на участие в конгрессе и уведомление предоставить гостеприимство для следующего конгресса Сирпак в 1934 г., несомненно, сыграло бы положительную роль в смысле укрепления связей с этими важными для нас группами архитектуры... Несмотря на узкую тему конгресса этого года... есть полная возможность развернуть показ наших социалистических городов... Можно с полной уверенностью сказать, что в случае положительного решения этого вопроса советская архитектура на этом конгрессе сможет выступить с законченными идеологически-теоретическими установками и с показом ряда работ в плане реализации этих установок». Мнение архитекторов было оставлено без внимания.

Желая «сохранить лицо» перед зарубежными коллегами и не демонстрировать абсолютную зависимость советского архитектора от власти, Союз архитекторов виртуозно объяснил отсутствие советских представителей «чрезвычайно интенсивной строительной работой, которая не дает возможности никому из наших делегатов отлучиться во время строительного сезона и принять участие в вашем конгрессе». Эта версия была озвучена в тексте приветственной радиogramмы, подписанной В. Весниным, К. Алабяном и Д. Аркиным и направленной от лица Союза архитекторов в адрес конгресса CIAM 1 августа 1933 г. В телеграмме содержалось пожелание успеха работе конгресса, которая была названа «важной и ценной», «представляющей исключительно большой интерес для архитектурной практики Советского Союза» [16. Л. 9]. Более того, 5 августа З. Гидиону была послана еще одна телеграмма с просьбой «довести до конгресса приглашение созвать следующий кон-

гресс Сирпак в Москве в 1934 году» [16. Л. 12]. Это, вероятно, было самодеятельностью правления Союза архитекторов, поскольку ни о каком официальном или неофициальном согласии со стороны советского государства сведений нет. Ответ на это приглашение со стороны CIAM был дан только через год, в мае 1934 г. На лондонской сессии CIRPAS, ссылаясь на приглашение Союза архитекторов, был высказан интерес к проведению в Советской России V конгресса CIAM в 1935 г., предполагавшегося как вторая часть «Функционального города» («Планы и их реализация»). В связи с этим в письме запрашивались «точные предложения и условия, на которых следующий Конгресс мог бы собраться в России» [Там же. Л. 83]. История двинулась по второму кругу. Вновь К. Алабян обратился с изложением предложения CIAM к Л.М. Кагановичу, вновь привел идеологические обоснования необходимости сотрудничества с CIAM [21. Л. 136–137]. И вновь решение было отрицательным. На этом многолетняя эпопея с конгрессом CIAM в СССР была, наконец, закончена.

Подробный отчет о состоявшемся IV конгрессе CIAM был опубликован в начале 1934 г. в журнале «Архитектура за рубежом», но при этом даже не упоминалось, что конгресс должен был состояться в Москве. Также не был затронут вопрос о неучастии советских архитекторов в этом крупномасштабном мероприятии [22]. С этого времени на всю историю московского конгресса в отечественной историографии была наброшена пелена забвения, сохранявшаяся на протяжении всех советских десятилетий.

В ответе на ключевой вопрос о причинах отмены конгресса нет единого мнения. Доминировавшая долгое время точка зрения, что отказ от конгресса был связан с результатами конкурса на проект Дворца Советов, была подвергнута сомнению уже в работе М. Штайманна как не находящая документального подтверждения в документах CIAM [1. S. 124]. Не найдено подтверждения и в документах российских архивов. Поводом для подобного предположения послужили протестные письма CIAM и Ле Корбюзье в адрес И. Сталина и А. Луначарского в апреле 1932 г., в которых, в том числе, уязвлялось требование пересмотреть результаты конкурса на проект Дворца Советов с возможностью проведения конгресса в Москве¹. Несмотря на развернувшуюся дискуссию внутри CIAM, подготовка конгресса не останавливалась, также как не последовало видимой реакции с советской стороны, и до сих пор скрыто завесой тайны, до какого административного уровня поднялась информация о письмах и какова была реакция.

Также традиционно мнение, что главной причиной стала смена градостроительной и архитектурной парадигмы в СССР, которая, во-первых, сделала «функциональный город» неактуальной темой советской практики [1. S. 128] и, во-вторых, вызвала негативную реакцию зарубежной архитектурной общественности, что способствовало ослаблению международных творческих связей, к тому же целенаправленно ограничиваемых со стороны советского государства [4. С. 34]. Однако рассмотрение проблемы исключительно в творческой плоскости не учитывает тот факт, что ни CIAM, ни Союз советских архитекторов не желали рвать связи, о чем свидетельствуют и вышеописанные попытки Союза по организации следующего конгресса в

¹ Подробно об этом см.: [3, 6].

Москве, и заинтересованность СИАМ провести форум с темой «Функциональный город» именно в СССР. Этот факт заставляет в поисках причин выйти за пределы творческих разногласий и согласиться с тем, что «утверждение о том, что в проведении Конгресса отказали по архитектурным и градостроительным соображениям, является мифом» [3. С. 120].

Авторы исследования, фрагмент которого процитирован выше, указывают на иную, более вескую причину – финансово-экономическую. А именно на катастрофические последствия форсированной индустриализации и принудительной коллективизации, апогеем которых стал массовый голод осени 1932 – зимы 1933 г., «и в этом контексте вопросы градостроительства отошли на второй план» [Там же. С. 119]. Несомненно, экономическая составляющая была в отказе от проведения конгресса одним из ключевых факторов. СССР находился в режиме жесткой экономии, и дорогостоящие проекты оказались под вопросом. Предполагаемая сметная стоимость проведения конгресса и выставки составляла 239 438 руб. [8. Л. 83, 85]. Предположение о финансовой подоплеке отказа сразу же высказал К. Алабян в письме Л.М. Кагановичу в марте 1933 г., предлагая «сокращение намеченной сметы хотя бы отказом от выставки», лишь бы не отменять конгресс в целом [20. Л. 22].

Т. Флирль, в свою очередь, считает, что при всей важности финансового вопроса «деньги не были главной проблемой» [5]. Он предполагает, что решение насчет конгресса СИАМ стало следствием борьбы за власть в партийной верхушке и «отражением растущего доминирования Сталина над соперниками» и что «конгресс провалился из-за властной политики Сталина и его круга, которые использовали градостроительство и архитектуру как средство добиться политической гегемонии». Соглашаясь с тезисом Т. Флирля о существовании более глубоких, политических, причин отмены конгресса, представляется спорным предположение, что конгресс был разменной монетой в политической борьбе, слишком малозначительным видится это мероприятие в контексте борьбы за власть.

Политическую составляющую, как представляется, стоит видеть в ином аспекте – политико-пропагандистском. Т.Н. Самохина впервые отметила характер государственного интереса к конгрессу – «желание использовать конгресс в целях пропаганды советского строя и его достижений, превратив его в политизированное мероприятие» [4. С. 34]. Однако этот важный тезис не был автором раскрыт. Между тем можно предположить, что именно в этом понимании цели конгресса со стороны советского государства кроется и ключевая причина отказа от его проведения. Да, стоимость мероприятия была значительной, однако речь не шла о валюте, вопрос об использовании которой был действительно критичным. Главной причиной было то, что власть не видела нужды вообще тратить деньги на это мероприятие. Прежде всего, оно было «чужим», что ясно сформулировал З. Гидион, называя форум «нашим конгрессом» [8. Л. 29]. СИАМ фактически диктовал условия – тему, докладчиков, регламент. При таком раскладе СССР являлся техническим организатором и инвестором, не получая возможности быть главным бенефициаром пропагандистских выгод. Он должен был демонстрировать чужие идеи и достижения, и то, что эти идеи были чуждыми идеологически и стилистически, служило дополнительнымотягающим фактором. Рабочий характер мероприятия не оставлял простора для пафоса победных реляций. Представляется, что имен-

но непригодность конгресса с точки зрения имиджевых и пропагандистских задач и предопределила его судьбу.

Советские властные органы выбрали другую тактику создания международного резонанса – приглашение лояльных иностранных гостей на крупные советские форумы, что было и дешевле, и позволяло диктовать, регламентировать и контролировать. Этот путь был опробован на Первом съезде советских писателей в 1934 г. и нашел продолжение на состоявшемся, наконец, в 1937 г. Первом съезде советских архитекторов. Вероятно, этот новый путь предопределил отказ и от планировавшегося по инициативе СССР градостроительного конгресса: уже в 1934 г. акцент был перенесен на подготовку съезда – пафосного фейка международного триумфа советской архитектуры.

Таким образом, можно утверждать, что в подготовке IV конгресса CIAM столкнулись разные акторы со своими интересами. Советское государство рассматривало форум с точки зрения пропагандистской репрезентации СССР на международной арене и визуализации успехов социалистического преобразования страны. Профессиональное сообщество, и западное, и советское, было ориентировано на обмен опытом и сотрудничество, несмотря на творческие разногласия. Доминанта государственного интереса и несоответствие конгресса возлагаемым на него задачам предопределили отказ от его проведения, и вероятность принятия такого решения была усилена напряженной экономической и социальной ситуацией внутри СССР на переломе первой и второй пятилеток, как и иными неотложными задачами, на фоне которых конгресс оказывался дорогостоящей и бесполезной игрой.

Литература

1. *Internationale Kongresse für Neues Bauen. Dokumente 1928–1939* / M. Steinmann. Basel und Stuttgart : Birkhäuser Verlag, 1979. 235 S.
2. *Mumford E. The CIAM Discourse on Urbanism, 1928–1960*. Cambridge : Massachusetts Institute of Technology Press, 2000. 395 p.
3. *Боденицкая Х., Пост К. Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города в СССР*. Б/м. : Verlagshaus Braun, SCIO/Media, 2015. 416 с.
4. *Самохина Т.Н.* К истории несостоявшегося Международного конгресса современной архитектуры (СИАМ) в Москве // Советское градостроительство 1920-х – 1930-х годов. Новые исследования и материалы. М. : КД «Либроком», 2010. С. 29–37.
5. *Flierl T. The 4th CIAM Congress in Moscow. Preparation and Failure (1929–1933)* // *Quaestio Rossica*. 2016. Vol. 4, № 3. P. 19–33.
6. *Козн Ж.-Л.* Ле Корбюзье и мистика СССР. Теория и проекты для Москвы, 1928–1936. М. : Арт-Волхонка, 2012. 316 с.
7. *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 163. Д. 810.
8. *ГАРФ*. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 1028.
9. *ГАРФ*. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 637.
10. *ГАРФ*. Ф. 7544. Оп. 2. Д. 2.
11. *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 163. Д. 892.
12. *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 163. Д. 910.
13. *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 163. Д. 937.
14. *ГАРФ*. Ф. 7544. Оп. 1. Д. 52.
15. *ГАРФ*. Ф. 5283. Оп. 12. Д. 46.
16. *РГАЛИ*. Ф. 674. Оп. 1. Д. 15.
17. *ГАРФ*. Ф. 5283. Оп. 12. Д. 190.
18. *РГАЛИ*. Ф. 674. Оп. 3. Д. 1280.
19. *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 163. Д. 976.
20. *РГАЛИ*. Ф. 674. Оп. 2. Д. 3.
21. *РГАСПИ*. Ф. 81. Оп. 3. Д. 184.

22. IV Международный конгресс современной архитектуры // Архитектура за рубежом. 1934. № 1. С. 35–39.

Evgeniya V. Konysheva, South Urals State University (Chelyabinsk, Russian Federation); Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (Moscow, Russian Federation).

E-mail: e_kon@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2019, 33, pp. 60–75.

DOI: 10.17223/22220836/33/5

THE MOSCOW CONGRESS OF CIAM: THE HISTORY OF EVENT THAT DID NOT HAPPEN

Keywords: CIAM; IV Congress; Moscow.

The publication highlights the little-studied topic of the failed intentions to hold the IV CIAM Congress in Moscow. The text is based on an analysis of documents from Russian archives and refers to events related to the preparation for the Congress of the Soviet side. The article reconstructs the process of organizing the forum, highlights the chronological stages and main actors on each of them, and reveals the decision-making mechanism. A special attention is paid to the debatable problem of the reasons for refusing to hold the Congress in Moscow.

According to the archival documents, key decisions in the process of preparing the Congress were taken by the highest political authority of the USSR, i.e. the Politburo of the Central Committee of the AUCP (b). The article states that the adoption of a decision was determined solely by the interests of the state authorities and had no relation to creative problems and discussions within the professional architectural circles.

In the chronological boundaries of preparation for the Congress (autumn 1929 – spring 1933), several key stages are identified. At the stage of negotiations with CIAM on the holding of the next congress in Moscow (autumn 1929 – autumn 1930), the interest of the Soviet side was determined by interest in the Western experience of urban planning and mass housing construction and the possibility of its application in the USSR. At this stage, initiators of the Congress and main practical actors were concentrated in institutions that led the Soviet housing co-operation. At the next stage (October 1931 – October 1932), the role of the leading actor passed to the Soviet state represented by high-ranking officials, who had their own idea of the tasks and form of holding the Congress. The government considered the forum from the point of view of the propaganda representation of the USSR on the international arena and the possibility of visualizing the achievements of the socialist transformation of the country. Such a representation contradicted the nature and practice of Congresses of CIAM. The inability to become the main beneficiary of propaganda gains led to a loss of interest in the Congress by the supreme state power. At the final stage (November 1932 – spring 1933), the defining role was played by a professional architectural community that was oriented towards international exchange of experience and cooperation, despite creative differences. The Congress was prepared on the basis of the Union of Soviet Architects and the architectural section of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS).

Thus, in the preparation of the IV Congress of CIAM in Moscow, various actors with their own interests collided. The priorities of state power came into conflict with the interests of the professional community, and this conflict was resolved in favor of the state. The decision on the actual abolition of the CIAM Congress in Moscow, taken by the Political Bureau of the Central Committee of the AUCP (b) in March 1933, was predetermined by the discrepancy between goals, principles, and procedure of the event and the interests of political power; this decision was only reinforced by the tense economic and social situation within the USSR at the turn of the first and second Five-year Plans.

References

1. Steinmann, M. (1979) *Internationale Kongresse für Neues Bauen. Dokumente 1928–1939* [International Congresses for New Building. Documents of 1928–1939]. Basel; Stuttgart: Birkhäuser Verlag.
2. Mumford, E. (2000) *The CIAM Discourse on Urbanism, 1928–1960*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press.
3. Bodenschatz, H. & Post, K. (2015) *Gradostroitel'stvo v teni Stalina. Mir v poiskakh sotsialisticheskogo goroda v SSSR* [Urban planning in the shadow of Stalin. The world is in search of a socialist city in the USSR]. [s.l.]: Verlagshaus Braun, SCIO/Media.

4. Samokhina, T.N. (2010) K istorii nesostoyavshegosya Mezhdunarodnogo kongressa sovremennoy arkhitektury (SIAM) v Moskve [On the history of the failed International Congress of Modern Architecture (SIAM) in Moscow]. In: Kosenkova, Yu.L. (ed.) *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920-kh – 1930-kh godov. Novye issledovaniya i materialy* [Soviet Town Planning of the 1920s – 1930s. New research and materials]. Moscow: Librokom. pp. 29–37.
5. Flierl, T. (2016) The 4th CIAM Congress in Moscow. Preparation and Failure (1929–1933). *Quaestio Rossica*. 4(3). pp. 19–33. DOI: 10.15826/qr.2016.3.173
6. Cohen, J.-L. (2012) *Le Korbyuz'e i mistika SSSR. Teoriya i proekty dlya Moskvy, 1928–1936* [Le Corbusier and mysticism of the USSR. Theory and Projects for Moscow, 1928–1936]. Moscow: Art-Volkhonka.
7. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 163. File 810.
8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 3316. List 25. File 1028
9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 3316. List 23. File 637.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7544. List 2. File 2.
11. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 163. File 892.
12. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 163. File 910.
13. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 163. File 937.
14. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7544. List 1. File 52.
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5283. List 12. File 46
16. The Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 674. List 1. File 15.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5283. List 12. File 190.
18. The Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 674. List 3. File 1280.
19. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 163. File 976.
20. The Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 674. List 2. File 3.
21. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 81. List 3. File 184.
22. Anon. (1934) IV Mezhdunarodnyy kongress sovremennoy arkhitektury [The Fourth International Congress of Modern Architecture]. *Arkhitektura za rubezhom*. 1. pp. 35–39.